

ONCE AGAIN ON LANGUAGE CONTINUITY

Svetlana Prokhorova

Belorussian State University

Abstract: The theory of language continuity which dates back to the 19 th century (A.Pictet, H.Schuchardt, J.Schmidt) saw active development in the 20 th century which became an epoch of compiling dialectological atlases verifying the theory. The analysis of interpretative syntactic maps of Belarus we have made on the basis of dialectal data shows that the territory of Belarus regarded from the point of view of syntactic properties as well as in other aspects is characterized by continuity. A.I.Sobolevsky was the first to notice it. At the beginning of the 20 th century he wrote that in the light of J.Schmidt's wave theory Belarus might become of great interest to linguists. Our research reaffirms it with numerous additional data. The interpretative syntactic maps of Belarus reveal three levels of continuity - Belarusian-Russian, Eastern-Western Slavic, and Baltic-Slavic. It is an indication that continuity, in our opinion, is not merely a relationship between two languages on different diachronic planes but a much more complicated phenomenon. We suppose it necessary to single out continuity proper which can be defined as the field of a language unit the center of which is characterized by unconscious bilingualism of the bearers of rural dialects.

Keywords: language continuity, interpretative syntactic map, levels of continuity, field of a language unit, unconscious bilingualism

Концепция лингвистической непрерывности имеет длительную историю, ее истоки восходят к концу 50-х годов XIX столетия и связываются с именем А.Пикте. Наиболее глубокое выражение эта концепция получила в "теории волн" (Г.Шухардт, И.Шмидт). Эту признанную теорию вызвало к жизни и стимулировало зарождение лингвистической географии, и особенно появление лингвистических атласов. Первые лингвистические атласы (французский и немецкий) поставили лингвистов перед фактом, что четкие границы между языками отсутствуют. Это положение было убедительно обосновано известнейшим ученым Иоганессом Шмидтом в его знаменитой "теории волн". Правильность этой теории подтвердили исследования лингвистов в XX веке, ставшем эпохой создания лингвистических атласов. XX век

характеризовался серьезной работой в этом направлении. Когда в конце XIX - начале XX века, во время зарождения лингвистической географии, обнаружились факты несовпадения границ отдельных языковых явлений, Г.Шухардт, П.Мейер, Г.Парис, Ж.Жильерон и другие представители романской диалектологической школы отрицали существование диалектов, признавая только границы отдельных диалектных явлений. В то же время немецкие и швейцарские ученые Ф.Вреде, К.Хааг, Т.Фрингс и другие доказали реальность диалектов, выявив ядро (центр) и периферию. Начиная с 40-х годов XX века, когда был введен термин "пространственная (ареальная) лингвистика" (М.Дж.Бартоли и Дж.Видосси), языковой ландшафт интерпретируется как лингвистически непрерывное пространство генетически связанных диалектов, в котором может быть выделен центр и периферия. Принято выделять три основные зоны диалектного континуума: центральную, маргинальную и переходную. Появилось и стало разрабатываться учение о переходных говорах.

В развитие теории переходных говоров большой вклад внесли славянские исследователи З.Штибер, К.Дейна, Т.Зданцевич, М.Малецкий, Й.Белич, Ф.Травничек, А.Лямпрехт и другие. Теория переходных говоров была и в центре внимания составителей первой диалектологической карты русского языка, вышедшей в свет в начале XX века и включавшей, кроме российской территории, белорусскую и украинскую. Составители карты - Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов, Д.Н.Ушаков - четко разграничивали смешанные и переходные говоры (Труды МДК, 1917), а белорусские и украинские говоры относили к наречиям русского языка. Различение переходных и смешанных говоров не всем ученым показалось убедительным. Против термина "смешанные говоры" выступал, в частности, академик Л.В.Щерба. Вместе с тем учение о смешанных говорах активно разрабатывает современная польская исследовательница Э.Смулкова.

В XX веке многие ученые пришли к выводу, что образование переходных говоров, как и образование новых языков, происходит в результате сложных дивергентно-конвергентных процессов, а не в процессе распада первичных языков. Таким образом, процесс "смешивания" присутствует в каждом из языков, в том числе и переходных говорах.

Одним из первых предположение о смешанном характере всех языков высказал в начале XX века И.А.Бодуэн де Куртене (Бодуэн де Куртене, 1901 или 1963). На важность дивергентно-конвергентных процессов первым, как известно, обратил внимание Н.С.Трубецкой. В настоящее время эта точка зрения становится всё более популярной. Приверженцем последней является и известный американский славист Х.Бирнбаум, который внес определенный вклад в ее теоретическое обоснование. Он, в частности, утверждал: "Я не считаю, что индоевропейский праязык возник во время распада первичного человеческого языка: он также является продуктом предшествующего дивергентно-конвергентного развития. Эта точка зрения поддерживается все возрастающим числом указаний на то, что праиндоевропейский как целое отдаленно родствен другим языковым семьям Евразии и Северной Африки в рамках более широкого объединения, известного в качестве ностратической макросемьи языков и народов... Несмотря на резкую критику подхода Н.С.Трубецкого к "индоевропейской проблеме", я склонен думать, что он был на верном пути" (Бирнбаум, 1988).

В конце XX столетия ученые убедились, что лингвистическая непрерывность находит свое отражение не только в переходных говорах и касается не только границ между языками. Это одна из основных и основополагающих характеристик языка в целом. "Язык, - отмечал А.Ф.Лосев, - основан на принципе нераздельной текучести, то есть на принципе континуума (непрерывная сплошность)". Кроме того А.Ф.Лосев подчеркивал, что "все языковые реальности скользят и переходят друг в друга" (Теория и методика языкознания, 1989).

Обратимся к белорусским говорам. Еще в начале XX века А.И.Соболевский высказал мнение о том, что белорусские говоры представляют огромный интерес для лингвиста, так как, по его мнению, к ним очень легко можно применить теорию волн (Соболевский, 1904). Следует заметить, что начало теории переходных говоров в русской лингвистике было заложено А.И.Соболевским и А.А.Шахматовым.

Переходный характер белорусского языка долгое время не позволял ученым придать последнему статус самостоятельного. Не только составители первой диалектологической карты русского языка, но и такие крупные ученые, как И.И.Срезневский, А.А.Потебня, Б.М.Ляпунов, В.А.Богородицкий, относили белорусский язык к диалектам русского языка. В то же время А.А.Шахматов, А.И.Соболевский, М.А.Колосов, М.В.Довнар-Запольский, И.А.Бодуэн де Куртене обращали внимание на самостоятельный характер белорусского языка. С конца XIX века в польской лингвистике также установилась традиция рассмотрения белорусского языка как языка самостоятельного, что нашло отражение в серьезных энциклопедических изданиях (Крынский, 1892).

Основная заслуга в обосновании и признании за белорусским языком статуса самостоятельного языка, как известно, принадлежит Е.Ф.Карскому, через все творчество которого прошла мысль о незамкнутом характере белорусского языка. Е.Ф.Карский и А.И.Соболевский относили к белорусским и говоры северной Смоленщины, с чем не соглашался А.А.Шахматов. В доказательство А.И.Соболевский выделил и описал смоленско-полоцкий говор (XIII-XV вв.) (Соболевский, 1886).

Проанализированный нами синтаксический материал не противоречит выводам А.И.Соболевского и Е.Ф.Карского, как не противоречит и выводам А.И.Соболевского о переходном характере белорусских говоров (Прохорова, 1991). Изучая синтаксис Западной Смоленщины на широком славянском и балтийском фоне, мы пришли к выводу, что синтаксические изоглоссы редко соотносятся с изоглоссами иных языковых уровней. Можно говорить о территориальной открытости, незамкнутости синтаксиса языковых зон Славии. Синтаксический уровень подтверждает предположение Н.И.Толстого, что в Славии "центр не противопоставлен периферии, а противопоставлены друг другу в различных комбинациях отдельные большие массивы" (Толстой, 1977).

Термин "языковая непрерывность" с нашей точки зрения, с одной стороны, соотносится с термином "переходность". В этом смысле оба термина прилагодятся к переходным зонам в современном языковом ландшафте; наличие таких зон свидетельствует о невозможности проведения точных границ между языками. С другой стороны, выявляется "собственно переходность", которая понимается нами как поле

одного языкового явления. Центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому явлению.

На территории Беларуси, как и на территории Западной Смоленщины, нами выявлено три среза переходности - русско-белорусская, западно-восточнославянская и балто-славянская. Эти срезы представлены нами на трех интерпретационных картах Западной Смоленщины (материал собирався нами), а также трех интерпретационных картах территории Беларуси. Последние были составлены на основе 22 синтаксических карт и комментариев к ним, помещенных в Диалекталагічным атласе беларускай мовы (ДАБМ), вышедшем в Минске в 1963 г. (составители карт И.Гайдукевич, А.Кривицкий, А.Мурашко, Е.Орешонкова, Е.Чеберук). В дальнейшем последние три карты будут уточнены, а материал расширен, тем не менее на основе этих карт могут быть сделаны предварительные выводы о том, что белорусский язык в его диалектах характеризуется высокой степенью переходности и своеобразным переплетением синтаксических конструкций, типологически близких русским, украинским, польским, литовским, латышским, латгальским. Нашли подтверждение предположения многих ученых о переходном характере белорусского языка, а также положение Е.Ф.Карского о его незамкнутом характере.

Как правило, языковой статус белорусского языка чаще определялся как переходный между русским и украинским. Но А.Ельский в конце XIX века отмечал, что белорусский язык - переходная зона между русским и польским. Еще до Е.Ф.Карского А.Ельский обратил внимание на заимствования из литовского языка (Jelski, 1885). Исследованный нами материал показал, что переходность - более сложное явление, нежели отношения между двумя языками.

В настоящее время на основании составленных нами карт и наблюдений можно утверждать, что на территории Беларуси несомненно присутствует срез западно-восточнославянский, т.е. польско-восточнославянский, прежде всего польско-белорусско-украинский. Уступает ему русско-белорусско-украинский срез. Значительно ярче и разнообразнее на территории Беларуси представлен балто-славянский срез.

Можно утверждать, что на территории Беларуси отражен результат очень сложных дивергентно-конвергентных процессов, а также результаты субстрата. В настоящее время представляется сомнительным предположение А.А.Шахматова о происхождении белорусского языка в результате распада восточнославянского единства. Более перспективными представляются мысли Б.Б.Пиотровского, получившие развитие в работах Г.А.Хабургаева, доказавшего, что восточнославянское единство оформилось из неоднородных по происхождению компонентов.

Пучки изоглоссов выявленных нами трех срезов переходности на территории Беларуси свидетельствуют, что на этой территории противопоставлены юго-западная и северо-восточная части, что не противоречит современному диалектному членению говоров Беларуси (Лінгвістычная геаграфія..., 1968).

Сопоставление карт белорусско-русских и славяно-балтийских синтаксических изоглоссов дает возможность определить "горячие точки" синтаксических инноваций на белорусской территории.

Пучки западно-восточнославянских изоглосс в какой-то мере коррелируют с пучками славяно-балтийских и белорусско-русских синтаксических изоглосс.

Конструкции типа *ісці за вадой, за ягадамі, за грыбамі, забыцца аб ім, у мяне баліць галава, саладзейшы мёду, смяцца над ім* типологически соответствуют русским. Они преобладают на востоке Беларуси, но встречаются почти на всей территории параллельно с другими. Они почти не представлены на западе вокруг Гродно, но спорадически встречаются в районе Бреста.

Конструкции, типологически совпадающие с польскими, типа *пайшоў да бацькі, знайшоў грыба, пагнаў валы, падаіла каровы, паслі коні* доминируют на западе Беларуси, но распространяются далеко на восток, включая Западную Смоленщину. Проблема влияния польского языка на белорусский посвящена большая литература.

Что касается распространения синтаксических балтизмов на территории Беларуси, то их отмечено достаточно много (Прохорова, 1994). Противопоставлены конструкции восточного распространения - *ісці ў ягады, у грыбы, ехаць у дровы* и конструкции западного распространения - *смяцца з яго, вучыцца за доктара*. Это не противоречит выводам Л.Беднарчука о том, что на территории современной Беларуси видна разница между западно- и восточнобалтийскими племенами, а также диспрсовскими балтами (Bednarczuk, 1984). Почти всей белорусской территории характерно параллельное употребление славянских и типологически совпадающих с балтийскими конструкций.

Как уже указывалось, с самого начала ученые (Ф.Миклошич, Н.И.Надеждин, В.Верига и др.) считали, что белорусский язык занимает промежуточное (переходное) положение между русским и украинским языком. Часть польских ученых разделяет эту точку зрения до сих пор (Bednarczuk, 1984).

В связи с этим представляется логичным рассмотреть, находят ли продолжение синтаксические белорусские изоглоссы на украинской территории.

Четыре синтаксические карты находим уже в атласе Т.В.Назаровой (№ 81-82, 84-85) (Назарова, 1985). Карта 84 свидетельствует, что на описываемой Т.В.Назаровой территории преобладает западнославянская конструкция *пойду до батька*, но иногда параллельно употребляется *к батьку*. Карта 85 свидетельствует, что очень редко (чаще параллельно) употребляется конструкция *у мене болит голова*. Это говорит о спорадической переходности на описываемой Т.В.Назаровой территории.

В Атласе української мови в разных томах представлено неодинаковое количество синтаксических карт (в I томе - 8 синтаксических карт, 274-280; во II томе - 19 карт, 257-275).

На картах Атласа представлены особенности, отнесенные нами к восточнославянским (русским) и встречающиеся на белорусской территории. Карта 279 (Т.I) отражает распространение конструкции *пішов за лікарем*, которая часто выступает параллельно с широко распространенной на всей славянской территории, но не известной на балтийской конструкцией типа *пішов по лікаря*. Подобные конструкции преобладают на западе и юге Беларуси (карта 215 ДАБМ).

На карте 279 (Т.I) видим, что на границе с Беларусью отмечен сплошной ареал распространения конструкции *пiшов по лікарю*. На большой территории (восточной) *пiшов за лікарем* употребляется параллельно с *пiшов по лікарю*. На интерпретационной карте 375 (Т.I) сплошной ареал распространения конструкции *пiшов за лікарем* характеризует говоры в бассейне Южного Буга и Днестра. Карта 265 (Т.I) Атласа свидетельствует о том, что конструкция типа *пiшов за доктором* широко распространена и на территории, картографированной во втором томе. Эта же карта свидетельствует, что на рассматриваемой территории широко распространена и конструкция *пiшов за водою*, а также общеславянская *пiшов по воду*. Указанные конструкции на отдельных территориях выступают параллельно. Выявлена конструкция *пiшов на воду*, неизвестная белорусской и русской территории. Карта позволяет сделать вывод, что в Карпатах чаще выступает типологическое совпадение с конструкциями, считающимися русскими.

Карта 280 (Т.I) свидетельствует о существовании на территории Украины конструкций, типологически совпадающих с русской *у меня болит голова*, при преобладании более древней *мене / мені болить голова*. Карта 272 (Т.II) свидетельствует о том, что конструкция *у мене болить голова* выступает редко и только на границе с Беларусью.

Перечисленные выше конструкции типа *пiшов за водою, лікарем, у мене болить голова* объединяют все восточнославянские территории, подобно волнам выступают то в чистом виде, то параллельно с другими конструкциями. Эти особенности можно отнести к русско-белорусско-украинским.

Карты Атласа свидетельствуют и о том, что на украинской территории выступают особенности, которые можно отнести к польско-белорусско-украинским. Такие изоглоссы широко распространены на украинской территории.

Карта 277 (Т.I) отражает распространение конструкций *пасу коні, корови, свинні*. На западе картографированной территории выступает сплошной ареал *пасу коні* (с отдельными вкраплениями параллельных конструкций). Конструкции *пасу коней, корів, свиней* выступают как небольшой ареал на границе с Гомельской (Беларусь), Брянской и Курской обл. (Россия). Они преобладают на востоке, но часто параллельно с *пасу коні*. Во втором томе Атласа это явление не картографировалось.

Карта 287 (Т.I) отражает ареал распространения конструкций *беру серпа, ножа*. Сплошной ареал отмечается в Полесье, на границе с Беларусью. На всей картографированной территории эти конструкции выступают в основном параллельно с *беру серп, нож*. Последняя конструкция в непараллельном употреблении отмечается только на границе с Брянской и Курской обл. (Россия). Карта 262 (Т.II) также отражает преобладание конструкций *бери ножа, серпа*.

Что касается конструкций типа *пойду до батька*, то их картографировала Т.В.Назарова, отметившая их преобладание. На карте 268 (Т.II) представлены конструкции *іти додому*.

Из изложенного следует, что на Украине широко представлены конструкции, объединяющие польскую, украинскую, белорусскую территории.

Материалы Атласа украинского языка позволяют выявить и конструкции, типологически совпадающие с балтийскими и представленные на польской и белорусской территориях.

Прежде всего это конструкция *идти воды*. Балтисты, в частности В.Р.Шмолстиг, фиксировали особое внимание на этой конструкции, т.к. она не отмечена в литературных славянских языках. Но она выступает на территории Беларуси, а также в Зап.Смоленщине. Что касается украинской территории, то конструкция представлена на интерпретационной карте 404 (Т.П) как одна из основных, выделяющих Буковинский ареал. Представлена она и на карте 265 (Т.П), а также 279 (Т.П). В последнем случае она выступает на границе с Молдовой в бассейне р.Днестр.

Комментарий к карте 280 (Т.П) свидетельствует, что на картографируемой территории отмечены отдельные вкрапления конструкции *моя голова болит*, типологически совпадающей с литовской. Эти вкрапления отмечены на границе с Беларусью в Полесье, а также в бассейне Днепра недалеко от Днепропетровска.

На карте 264 (Т.П) под Львовом в трех пунктах фиксируется конструкция *питатися о гроши*. Подобные конструкции отмечены в белорусских и польских говорах. На карте 264 они выявлены на границе с Польшей. Конструкция является характерной для литовского языка.

Карта 261 (Т.П) отражает распространение конструкций при компаративе. Сплошным ареалом на северо-востоке картографируемой территории, в том числе на границе с Беларусью, выступает конструкция *вишчий за батька*, повсеместно распространенная и на литовской и латышской территории.

Фиксируются отдельные вкрапления (на границе со Словакией, Молдовой, Румынией) конструкции *вишчий як тато*. Подобные конструкции имеют широкий ареал распространения на балтийских и славянских территориях. Нами высказывалось предположение, что трудно с уверенностью утверждать то, что распространение этой конструкции шло с балтийских территорий, т.к. она, как правило, и на балтийских, и на славянских территориях выступает параллельно с другими (Прохорова, 1994).

В основном на карте фиксируются конструкции типа *вишчий від (иногда од) батька*, объединяющие эту часть украинской территории с юго-западом Беларуси (карта 225 ДАБМ), а также западнославянскими и южнославянскими территориями.

На карте 260 (Т.П) представлен ареал распространения *по обіді, по війні* от Карпат по направлению на северо-восток до границы с Беларусью. Конструкции с предлогом *по* во временном значении известны как славянским, так и балтийским языкам, на что обратил внимание еще Я.Эндзелин.

Таким образом, на украинской территории также выступают отдельные конструкции, типологически совпадающие с балтийскими. Конечно, их не так много и они не так разнообразны, как в Беларуси. Все отмеченные на Украине конструкции фиксируются и на белорусской территории. Особенностью украинской территории можно считать то, что здесь в основном выступают конструкции, встречающиеся на литовской и

латышской территории одновременно, либо только на литовской территории. Пласт белорусских конструкций, типологически совпадающих только с латышскими, на украинской территории отсутствует.

Таким образом, на территории Украины находим большой пласт польско(зап.сл.)-белорусско-украинских синтаксических явлений, значительно меньше русско-белорусско-украинских, а также отдельные синтаксические балтизмы, отмеченные и на территории Беларуси.

REFERENCES

- A.A.K. (Kryński) (1892) Białoruski język. In.: *Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana*, t.7-8, s.658-660. Warszawa.
- Bednarczyk, L. (1984). Wokół etnogenezy Białorusinów. In.: *Acta Baltico-Slavica* 16, Warszawa.
- Jelski, A. (1885). O gwarze białoruskiej. In.: *Kraj*, № 5-6.
- Бирнбаум, Х. (1988). Славянская прародина: Новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев). In.: *Вопросы языкознания*, № 5, с.45, Москва.
- Бодуэн де Куртене, И.А. (1901). О смешанном характере всех языков. In.: *ЖМНП*, № 337 // Бодуэн де Куртене, И.А. (1963). О смешанном характере всех языков. In.: *Избранные труды по общему языкознанию*, т. I, Москва.
- Лінгвістична географія і групоўка беларускіх гаворак* (1968), Мінск.
- Назарова, Т.В. (1985). *Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті*, Київ.
- Прохорова, С.М. (1991). *Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: Ареально-типологическое исследование*, Минск.
- Прохорова, С.М. (1994). Славяно-балтийские синтаксические изоглоссы. In.: *Acta Baltico-Slavica* 22, Warszawa.
- Соболевский, А.И. (1886). Смоленско-полоцкий говор в XIII-XV вв. In.: *РФВ*, т. XV, №1, с.7-24.
- Соболевский, А.И. (1904). *О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности*. Санкт-Петербург.
- Теория и методология языкознания: Методы исследования языка* (1989), с.26,27, Москва.
- Толстой, Н.И. (1977). О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии. In.: *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*, с.42, Ленинград.
- Труды МДК* (1917), вып. 1, с.12-13, Москва.